

“невідомого відання” та розрізненням природи та енергій, чому у діалогічній філософії відповідає несиметричність спілкування, вихід назустріч без очікування взаємності. Зразкову формулу для висловлення з’єднуючої дистанції як умови автентичності сприймання «інакшості» та «Іншого» надає проведене Григорієм Паламою розрізнення сутності та енергій Божих при збереженні їх єдності.

5. «Невідоме відання» тлумачиться як екзистенціальне пізнання і означає вимогу не заміщувати духовної реальності зустрічі з Богом інтелектуальними поняттями, які обов’язково будуть при словесному вираженні, але вони мають виводити за межі теоретичного дискурсу. Справа не у вибудовуванні деякої грандіозної богословської «суми», але у самому житті християнина, яке є досвідним здійсненням догматики, що усуває як психологічне розуміння досвіду, так і визнання містики як призначеної небагатьом.

9. Теозис як реалізація Бого-спілкувальної природи людського буття підводить до розгляду форм релігійного життя, онтологічне підґрунтя яких задане тріадологічними та христологічними догматами. Аналітика розуміння Євхаристії у православному богослов’ї ХХ століття виявляє відмінність її від ритуально-обрядового життя: для Таїнства як реального, а не образно-метафоричного залучення до Бога, характерний онтологічний символізм – для символу у церковно-святоотцівському смислі притаманна здатність являти і передавати «інше» саме як «інше», видиме невидимого як невидимого, знання про непізнаване як про непізнаване, присутність майбутнього як майбутнього. Символ у такому разі – це засіб пізнання того, що не може бути пізнане інакше, бо пізнання тут залежить від живої зустрічі і входження у те одкровення реальності.

Чернышов Виктор Владимирович

Кандидат философских наук,

доцент кафедры философии и социально-политических дисциплин

Полтавского национального технического университета

имени Юрия Кондратюка

ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ: ОТ МЫСЛИ К СЛОВУ И ОТ СЛОВА К МОЛЧАНИЮ

Когда-то, Людвиг Витгенштейн избрал эпиграфом к своему *Логико-философскому трактату* слова Фердинанда Кюрнбергера о том, что «*все то, что известно, а не просто слышится шумом и звоном, можно сказать в трех словах*». Этот эпиграф, по сути, даже не эпиграф, а именно девиз – «Motto», что было обозначено уже и самим автором трактата. Завершая же свой «Логико-

философский трактат», Л. Витгенштейн произносит фразу, которая, по всей видимости, видится ему действительно итоговой и практически самой важной, так сказать, «тем, ради чего» написан, можно сказать и сам трактат: «*О чем невозможно говорить, о том следует молчать*». Эта намеренная немногословная точность в выражении мысли (вербальная редукция), с одной стороны, и молчание, которое подчас красноречивее любых слов, представляют собой два полюса оси, вокруг которой происходит разворачивание экспликации любой серьёзной философской идеи. Именно точность средств выражения и «мудрое молчание», не в последнюю очередь, отличают философские работы от других произведений достаточно широкого мировоззренческого спектра, которые относятся скорее к миру художественной литературы, нежели философии. Для Л. Витгенштейна совершенно очевидно, что всякое философское рассуждение имеет отношение к сфере логики и логических закономерностей, логической необходимости, свойственной *всем* людям, в то время как молчание есть молчание о *частном* опыте – опыте бытия в мире, который лежит за гранью общедоступного, сокровенном, мистическом опыте переживания жизни. Именно поэтому, согласно Л. Витгенштейну, невозможна философская метафизика, как учение о том, что выходит за рамки всеобщего опыта, непосредственно опирается на мистику и Откровение, а, следовательно, доступно лишь вере, но не позитивному ведению.

Впрочем, быть может, данный вывод о невозможности метафизики является несколько преждевременным. Сочетание слова и молчания позволяет выделить главное, избежав при этом ложных обобщений – неправомерного распространения фактов частного опыта на сферу всеобщего – объявляющих всеобщим то, что таковым не является. Сфера общего – сфера бытия, законов мышления, логики, необходимости, но также и свободы. Сфера частного – индивидуальное переживание бытия в мире случайных событий, которых могло бы, в сущности, и не быть – экзистенциальный опыт длиною в жизнь конкретного человеческого существа, поставленного (опять-таки) в свободе. Опыт, который, тем не менее, может обогатить сферу общего, внося свой *личный* вклад во всеобщую «копилку» человечества. Таким образом, можно сказать, что в своих рассуждениях о возможности метафизики Л. Витгенштейн элиминирует элемент свободы, выступая с детерминистских позиций, что делает (логически) возможным его вывод о невозможности метафизики. В то же время, нельзя не заметить, что именно элемент свободы является общим, как для сферы общего, так и для частного, индивидуального, обеспечивая пересечение этих сфер и, в конечном счёте, истинность их бытийного основания.

Сама по себе философская экспликация становится возможной по той же причине – наличию свободы. В её контексте, метафизика является переходом

от мысли к слову, но, в то же время, эта мысль выражает общее лишь постольку, поскольку она соотносится с тем общим, которое является частью экзистенциального переживания каждого конкретного человека, указывая путь к сокровенной реальности мистических откровений, которые познаются и переживаются в молчании.

Молокова Ольга Владимировна

Аспирантка Национальной металлургической академии Украины

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Человечество вступает в ту фазу своего развития, которая получила название «общество знаний». Это привело к тому, что теперь во многом процессы получения, распределения и использования знаний стали определять социальные и экономические характеристики общества. Это значительно расширило круг исследователей, которые занимаются вопросами, связанными с познавательной активностью человека. Современная эпистемология главный акцент делает на том, что познание осуществляется реальным человеческим существом, живущем в конкретном мире и действующим не в одиночку, а взаимодействующим и, следовательно, вступающим в коммуникативные отношения с другими. А потому смысл таких основополагающих для эпистемологии категорий как, скажем, сознание, субъективность, язык и т.п. должно раскрываться через призму этого взаимодействия, в том числе и со стороны его коммуникативного содержания. В современных научных исследованиях широкое распространение получает идея конструируемого характера социокультурной действительности. Эта идея подкрепляется выводами целого ряда междисциплинарных подходов (общей теории систем, теории самоорганизации и т.п.), которые формируют более сложные модели реальности и культуры. Сегодня уже доказанным фактом является утверждение о том, что общество конца XX – начала XXI вв. оказалось в плену системных противоречий, приведших к глобальному кризису человеческой цивилизации. В частности, это выражается в том, что в образе жизни людей происходят существенные изменения, приобретающие крайне болезненные формы и закономерно порождающие вопросы относительно природы как самого человека, так и перспектив эволюции общества, а, следовательно, вообще смысла всей истории человечества. При этом обращает на себя внимание то, что в своих попытках найти ответы на эти вопросы исследователи все чаще и чаще приходят к следующему выводу: вышеупомянутый кризис вызван не столько социальными, сколько антропологическими факторами. «Глобальный